

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. Ю. Малинова

Динамика производства
и распространения политических
идей в постсоветской России:
к постановке вопроса

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Malinova_dinamika.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

О. Ю. Малинова

Динамика производства и распространения политических идей в постсоветской России: к постановке вопроса

Общественное сознание — одна из тех сфер, где перемены, произошедшие за последние два десятилетия, наиболее очевидны: сегодняшнее российское общество разительно отличается от советского, в котором усилия «строителей коммунизма» направлялись одной «единственно верной» идеологией, внедрявшейся усилиями огромного партийно-государственного аппарата. Наличие идеологического плюрализма в постсоветской России не вызывает сомнения. Но насколько он «эффективен»?

Теории демократии рассматривают свободу выражения мнений не только как основное право человека, но и как одно из фундаментальных условий демократического правления. С нормативной точки зрения «качество» политических коммуникаций определяется тем, в какой мере они способствуют достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются властные решения (термин Р.Даля¹). Конкурирующие политические программы формируют спектр альтернатив, в рамках которого граждане могут делать выбор. Иными словами, важна не только свобода выражения мнений, но и способность политических акторов предлагать более или менее ясные способы понимания и решения общественных проблем и доносить эти представления до нужной аудитории.

Можно ли говорить о развитии в постсоветской России демократической публичной сферы, где артикулируются для широкой

¹ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 166-167.

публики, оспариваются и отстаиваются альтернативные политические проекты и где под влиянием этого соперничества формируется общественное мнение? Современные тенденции едва ли дают основание для положительного ответа на этот вопрос. Однако на протяжении рассматриваемого периода векторы развития коммуникативного поля, на котором осуществлялось производство и распространение политических идей², не оставались неизменными.

Переход от монополии официальной идеологии к плюрализму идей и направлений – это существенный аспект постсоветской политической трансформации, который нередко выпадает из поля зрения отечественных и зарубежных транзитологов. Отчасти это объясняется влиянием стереотипов: предполагается, что идейный плюрализм – часть «нормального» демократического порядка, которая обеспечивается свободой слова и печати. Соответственно, развитие инфраструктуры производства и обращения идей не требует специальных усилий, помимо обеспечения вышеуказанных свобод (в частности, независимости СМИ). Однако в большинстве западных стран эта инфраструктура начала складываться в других исторических условиях и опиралась на качественно иное публичное пространство, где существовало специфическое разграничение публичного и частного, где непосредственно-личные коммуникации дополняли печатные СМИ, а круг участников публичной сферы был ограничен сравнительно небольшим числом людей состоятельных, образованных и располагающих досугом. Опыт России конца 1980-х – начала 1990-х гг. показывает, что свобода слова, независимость СМИ и формальная многопартийность являются необходимыми, но не достаточными условиями для продвижения к идеалу «эффективного» плюрализма идей, обеспечивающего «просвещенное понимание». По-видимому, изменения в сфере производства и обращения общественно-политических идей нуждаются в самостоятельном изучении и осмыслении. В данной статье рассматриваются основные подходы к изучению идеологического пространства постсоветской России и предлагается более комплексный подход, опирающийся на анализ эволюции публичной сферы.

² Идеи составляют лишь один из элементов нормативно-символического пространства, где формируются, воспроизводятся и конкурируют смыслы, в которые облекается политическое. В данном случае мы предпочитаем говорить именно об «идеях», т.е. о вербальной и рационально-логической форме выражения смыслов, поскольку они играют ведущую роль в политических коммуникациях в современных обществах. Однако важно уточнить, что в реальной практике идеи сосуществуют и взаимодействуют с образами, символами, нарративами и др. формами воплощения смыслов.

Исследования идеологий весьма активно развивались в 1990-х гг., когда многие российские политологи, философы и историки пытались анализировать комплексы идей, складывавшиеся в разных сегментах российского политического спектра, сопоставляя их с основными идеологическими традициями³. Анализ, как правило, выявлял наличие серьезных объективных и субъективных препятствий для развития тех или иных «измов». На этом этапе многое было сделано для «введения в оборот» и переосмысления наследия мировой и отечественной политической философии, а теоретические изыскания нередко направлялись желанием «извлечь уроки» из опыта великих идеологов прошлого и настоящего. Стремление отечественных обществоведов не только изучать комплексы политических идей, но и участвовать в их разработке особенно ярко проявилось в середине 1990-х гг., когда многие с энтузиазмом включились в инициированный Б.Н.Ельциным поиск «национальной идеи», призванной сплотить фрагментированное общество. При этом не всегда удавалось сохранять дистанцию между позициями исследователя и идеолога. В середине 1990-х гг. предметом дискуссии стало не только содержание «национальной идеи», но и механизмы ее формирования и распространения. Одни авторы, уповая на частичное возрождение прежних методов «идеологической работы», полагали, что искомая система идей должна превратиться в новую

³ См. Консерватизм в России. «Круглый стол» // Социс. 1993, № 1; Либерализм в России. М: Луч, 1993; Новикова Л., Сиземская И. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993, № 15; Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994, № 3, 4; Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии // Полис. 1994, № 5; Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса. (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России) // Полис. 1994, № 3; Судьбы либерализма в России (Материалы «круглого стола») // Полис. 1994, № 1, 2; Социалистическое видение современности, или современное видение социализма (Обзор симпозиума) // Полис. 1994, № 5; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995, № 4; Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995, № 4; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX - начало XX в.). М.: Памятники исторической мысли, 1995; Либерализм в России / Под ред. В.Ф.Пустарнакова, И.Ф.Худушиной. М.: ИФАН, 1996; Капустин Б.Г., Клямкин И.М. 1994. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994, № 1, 2; Андреев А. Политический спектр России. Структуры, идеологии, основные субъекты. М.: Эдиториал УРСС, 1997; Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы // Общественные науки и современность. 1997, № 1; Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»). М.: Памятники исторической мысли, 1998; Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М.: Партиформ, 1998; Гостев С.Л. Общественно-политические организации радикально-националистического толка: их электорат и роль в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1999, № 2; Гусев В.А. Становление третьей волны русского консерватизма (начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 12. 1999, № 6; Соловей В.Д. Национал-радикализм // Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000 и др.

государственную идеологию⁴, другие же исходили из того, что интегративная идеология, призванная дать «язык символов, ценностей, смыслов, на котором пойдет общероссийский диалог», должна сформироваться благодаря целенаправленным усилиям гражданского общества⁵. В дальнейшем развитие пошло преимущественно по первому пути. С приходом к власти В.В.Путина политический пейзаж стал более монотонным, число площадок для политических дискуссий заметно сократилось, а роль «идей» в официальном политическом процессе свелась к легитимации осуществляемого властью курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиции. Неудивительно, что исследовательский интерес к теме современных российских идеологий в последние годы заметно снизился.

В научной литературе трансформация идеологического пространства⁶ описывается чаще всего в двух ракурсах — как производное от эволюции политического режима, которая привела сначала к конфликтному плюрализму элит и целей, а затем к постепенному исключению независимых политических акторов и расширению «центра», вбирающего в себя разные оттенки мнений, и с точки зрения развития на российской почве тех или иных «измов» (с упором на выявление их отклонений от «классических» образцов и формулирование рекомендаций по преодолению таковых). На мой взгляд, ни тот, ни другой ракурс не позволяет в полной мере осмыслить изменения в сфере производства идей. Во-первых, эти изменения — не только следствие эволюции режима, но и один из существенных ее аспектов. Во-вторых, хотя «системы идей» и обладают некой внутренней связностью, их успех зависит не столько от логической четкости и степени соответствия «опробованным» образцам, сколько от релевантности наличным (всегда

⁴ Волков Ю.Г. Идеология в жизни современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 1999, № 6; Мигранян А.М., Елыманов А.Ф., Соловей В.Д. Опыты государственной идеологии в современной России // Россия: поиск пути. М., 1999; Формирование новой российской идеологии. Материалы круглого стола // Свободная мысль. 2000, № 3,4 и др.

⁵ Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии (Тезисы) // Полис. — 1997, № 3. — С. 18; см. также Капустин Б.Г. Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения // Этика успеха. Вып. 7. Тюмень — Москва, 1996. — С.63-66.

⁶ Некоторые авторы вообще подвергают сомнению роль «идей» в российских политических коммуникациях, подчеркивая, что тенденция к вытеснению «идеологии» «политической рекламистикой» проявляется в России еще острее, чем в развитых демократиях (см. Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. 2000, № 2,3; Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001, № 2). На наш взгляд, изменения, связанные с бурным развитием «рекламистики», в действительности не так радикальны, как это представляется в логике сложившихся представлений о функционировании публичной сферы. Тенденция к вытеснению «идеологии» «имиджологией» реальна, но не фатальна (см.: Малинова О.Ю. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии» // Полис. 2004, № 4).

уникальным и неповторимым) обстоятельствам и потребностям конкретных политических акторов.

Динамику политических идей в постсоветском обществе трудно понять без исследования той среды, в которой эти идеи производятся, распространяются и соперничают друг с другом. А это означает необходимость комплексного исследования конфигурации пространства политических идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращение последних.

Для осуществления такого комплексного анализа было бы продуктивно воспользоваться понятием *публичной сферы* как некоего виртуального пространства, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная сфера может быть локализована в различных институтах и сочетать разные форматы общения: как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. «Размеры» публичной сферы зависят как от меры дозволенного государством, так и от спадов и подъемов интереса к общественным проблемам.

В литературе представлены различные подходы к интерпретации публичной сферы⁷. Водоразделом служит вопрос о том, следует ли выделять ее, ориентируясь на некие функции или же на определенное качество их исполнения. В целом преобладает нормативный подход, опирающийся на концепцию Ю.Хабермаса⁸. В поисках

⁷ В российской научной литературе термин «публичная сфера» имеет не столь широкое хождение. Как показала дискуссия, опубликованная в журнале «Социс», разброс интерпретаций, предлагаемых отечественными социологами, столь велик, что едва ли можно говорить об устоявшихся значениях данного понятия (Красин Ю.А. Розанова Ю.М. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (Круглый стол) // Социологические исследования. – 2000, № 10. – С.84-91).

⁸ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1993; работа опубликована на немецком языке в 1962 г.; английский перевод впервые вышел в свет в 1989 г. Другая классическая концепция публичной сферы, разработанная Х.Арендт, в данном случае менее релевантна, поскольку она ориентирована на прямое взаимодействие индивидов (по образцу греческой агоры). Хабермас же концептуализировал новый тип публики, появляющийся в условиях раннего модерна – публику частных индивидов, обсуждающих общественные проблемы, опираясь на печатные тексты. Публичная сфера здесь мыслится как принципиально внеличностный феномен: в ней не столько осуществляются действия, сколько происходит коммуникация, обмен информацией, мнениями.

институциональной среды, где частные лица могли бы «использовать собственный разум для решения общественных проблем» (по Канту), современный немецкий философ описал формирование буржуазной публичной сферы в Западной Европе (XVII-XVIII вв.) и ее последующую трансформацию. Не ограничиваясь исторической реконструкцией, Хабермас попытался вычленить черты нормативной модели публичной сферы, которая соответствует идеалу демократии. Устройство идеальной публичной сферы должно создавать условия для *рационально-критического дискурса* о политических проблемах, решающую роль в котором играют аргументы, а не социальный статус или традиции. Таким образом, концепция Хабермаса, с одной стороны, описывает исторически-особенный тип буржуазной публичной сферы, а с другой — предлагает нормативную модель, которая служит инструментом для критики и совершенствования наличных демократических практик. Работы немецкого философа стимулировали целую серию исследований, анализирующих отношение между социальными институтами, общественными дискурсами и политическим участием⁹.

Вместе с тем, возможен и дескриптивный подход к изучению *различных типов* публичных сфер, в том числе — и весьма существенно отличающихся от идеальной модели, описанной Хабермасом. В качестве примера такого подхода можно привести работы Ш.Эйзенштадта и его коллег, использовавших данное понятие для исследований модернизации в незападных обществах¹⁰. Согласно их концепции, «публичная сфера, хотя и не обязательно напоминающая «гражданское общество», возникает в любой более или менее сложной цивилизации, где есть определенный уровень грамотности. Это — сфера, расположенная *между* частной и официальной, она расширяется и сжимается по мере включения в нее профессиональной страты (*carrier strata*), не входящей в состав правящего класса»¹¹. Понятие «публичная сфера» указывает на наличие площадок,

⁹ См.: Calhoun C. (ed.) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge (Mas.): The MIT Press, 1992; Roberts J.M. *The Aesthetics of Free Speech: Rethinking the Public Sphere*. Houndmills etc.: Palgrave, Macmillan, 2003; Crossley N., Roberts J.M. (eds.). *After Habermas: New Perspectives on the Public Sphere*. Oxford: Blackwell, 2004. Нормативный подход к анализу публичной сферы применяется и для осмысления процессов, происходящих в постсоветской России (см.: Засурский Я.Н. Журналистика и общество: балансируя между государством, бизнесом и общественной сферой // Средства массовой информации постсоветской России. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 86-134; Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении. // Публичная политика в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 15-32).

¹⁰ Eisenstadt S.N., Schluchter W, Wittrock B. (eds.) *Public Spheres & Collective Identities*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001; Hoexter M., Eisenstadt S.N., Levtzion N. (eds.). *The Public Sphere in Muslim Societies*. Albany: State University of New York Press, 2002.

¹¹ Eisenstadt S.N., Schluchter W. Introduction: Path to Early Modernities – A Comparative View // Eisenstadt S.N., Schluchter W, Wittrock B. (eds.) *Public Spheres...* – P.12.

где обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес. Предполагается, что такие площадки не только автономны от сферы государственного управления, но и в большей или меньшей степени открыты для разных секторов общества. Как подчеркивают Эйзенштадт и Шлюхтер, «публичные сферы имеют свою собственную динамику, которая хотя и связана с событиями и процессами, происходящими на политической арене, но не совпадает с ними и не определяется динамикой последней»¹². Влиятельность публичной сферы зависит от ее институционального устройства: имеет значение, разнородна она или унифицирована, сосредоточена в центре или открыта для периферии, основана преимущественно на устной или письменной коммуникации, предполагает интерпретацию общего блага перед лицом правящих или в среде частных лиц и т.д.

На мой взгляд, имеет смысл рассматривать эволюцию пространства политических идей в постсоветской России как составную часть более широкого процесса трансформации публичной сферы. В качестве первого шага в этом направлении я попыталась, опираясь на работы других исследователей, очертить общую траекторию развития публичной сферы в России на протяжении последних двадцати лет. При этом я выясняла, в рамках каких институтов функционировала публичная сфера в тот или иной период, каков был примерный состав ее участников, чем определялись их цели, нормы и стратегии, какие формы коммуникации играли наиболее существенную роль¹³. Даже этот беглый набросок дает представление о том, сколь неоднозначным было движение от непризнанного дуализма официальной и неофициальной публичной сферы в СССР к формированию перестроечной публичной сферы, а затем – через конфликтный плюрализм 1990-х к нынешнему состоянию, с доминированием мягкого варианта официальной идеологии и вытеснением плюрализма в маргинальные зоны. По-видимому динамика производства, распространения и конкуренции политических идей в постсоветской России имела собственные закономерности, изучение которых позволяет лучше понимать не только эволюцию символического пространства политики, но и особенности и перспективы развития политической системы в целом.

Изучение этих закономерностей предполагает проведение целой программы исследований. Для интеграции усилий ученых, интересующихся данной проблематикой, в рамках IV Всероссийского

¹² Ibid. – P. 11.

¹³ Малинова О.Ю., Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007, № 1.

конгресса политологов было организовано специальное заседание, а также рабочая встреча Инициативной группы по созданию Исследовательского комитета РАПН по изучению политических идей и идеологий в публичной сфере (<http://www.rapn.ru/?grup=586>). Цель нового ИК РАПН – изучение идейно-символических комплексов, циркулирующих в современном российском политическом дискурсе, с учетом институционального контекста, в котором происходит их производство, распространение и соперничество. Ниже представлены статьи участников специального заседания «Эволюция публичной сферы в постсоветской России и меняющиеся условия производства, распространения и конкуренции политических идей», а также членов вновь создаваемого Исследовательского комитета. Пока рано говорить о формировании целостной исследовательской программы, однако уже в 2007 г. на семинарах, организованных в Санкт-Петербурге и Москве удалось обсудить целый ряд работ, посвященных истории публичной сферы в России и ее современному состоянию, изучению политической коммуникации через печатные СМИ и Интернет, а также анализу отдельных политических идей и концепций. Некоторые из этих работ предлагаются вниманию читателей этого сборника. В заключение хотелось бы выразить надежду, что соединение усилий исследователей, изучающих не только политические идеи, но и меняющиеся условия их производства и распространения, принесет интересные результаты.